

MUTUAL PERCEPTION OF RUSSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY FROM THE POINT OF VIEW OF SCIENTIFIC RESEARCH OF THE XXI CENTURY (BASED ON THE WORKS OF HOFFMAN, ZHUKOVSKY, PUSHKIN, IRVING)

Lomova E.

*Associate professor, Kazakh national pedagogical University named after Abai
Kazakhstan, Almaty*

Kadyrova G.

*Associate professor
Candidate of Philological Sciences
Satbayev University
Kazakhstan, Almaty*

Tuleubayeva M.

*Master of science
Kazakh National Pedagogical University named after Abai
Kazakhstan, Almaty*

ВЗАИМОРЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ I ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ГОФМАНА, ЖУКОВСКОГО, ПУШКИНА, ИРВИНГА)

Ломова Е.А.

*ассоциированный профессор,
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Казахстан, г. Алматы*

Кадырова Г. Р.

*ассоциированный профессор,
Казахский национальный технический университет имени К.Сатпаева
Казахстан, Алматы*

Түлеубаева М.

*Магистр филологии
Казахский национальный университет имени Абая
Казахстан, Алматы*

DOI: 10.24412/3453-9875-2021-72-2-46-48

Abstract

In the methodological studies of Anglo-American philology of the second half of the twentieth century, in addition to the traditional methods of analyzing fiction texts, innovative ones are actively used, such as, for example, the hermeneutic circle method, slow reading with elements of deconstruction, as well as various methods of studying literary text proposed by supporters of psychoanalysis.

Аннотация

В методологических исследованиях англо-американской филологии II половины XX века кроме традиционных методов анализа литературных текстов активно применяются и инновационные, такие, как например, метод герменевтического круга, медленное чтение с элементами деконструкции, а также различные методы исследования художественного текста, предлагаемые сторонниками психоанализа.

Keywords: methodological studies, traditional methods, deconstruction, psychoanalysis.

Ключевые слова: методологические изыскание, традиционные методы, деконструкции, психоанализа.

Интересной темой российского литературоведческого исследования становится рецепция творчества Гофмана в русской литературе I трети XIX века.

Например, К.В. Голова исследует теорию рецептивной эстетики и рецептивный подход в современной науке. В русле этой проблемы «русский» Гофман преподносится как научное и художественное явление и в связи с этим выявляются и актуальные проблемы русского гофмановедения. Рецепция творчества Гофмана явно прослеживается в повести В. Одоевского «Сильфида», сказках В. Аксакова, цикле повестей А. Погорельского «Двойник,

или мои вечера в Малороссии», «Истории двух галош» Соллогуба [2].

Далее романтическая традиция Гофмана обнаруживается в творчестве М.А. Булгакова [3], а также в лирике А. Блока и его символической эстетике.

Соотношение Блока и Гофмана раскрывается в разрезе теории абсурда как эстетической и философской проблемы. Романтизм Гофмана оказал свое влияние на формирование и развитие теоретического дискурса об абсурде, и способы моделирования абсурда в литературе символизма в связи с

этим обнаружилось в творчестве А. Белого и Д. Хармес, и в русскоязычной прозе В. Набокова.

Актуальность предпринятого исследования заключается в том, что в нем делается попытка воссоздания цельной теоретической концепции, согласно которой абсурд понимается как универсальный феномен, возникший в кризисные моменты истории, становясь в литературе и культуре в целом трансформационным механизмом преобразования и переходе из обычной сферы в сферу нового и неожиданного, из привычной формы смысла – в инновационные. В своей универсальной междискурсивной и межкультурной сущности абсурд является развитием творческого акта, устремленного к «сверхсинтезу», к совмещению в художественном тексте разнородных дискурсивных элементов, а также несводимых воедино сторон изображаемой действительности.

Отдельным направлением литературоведческого исследования становится вопрос о взаимодействии прозы Н.В. Гоголя и Д. Ирвинга.

В прозе обоих писателей обнаруживается общность сюжетных мотивов, обусловленная типологическим сходством. Например, мотивы кладоискательства, вещего сна и таинства портрета.

Исследователи выявляют огромную роль мифа в творчестве романистов и его художественное переосмысление.

Типологическая общность Гоголя и Ирвинга видится также в обращении к героическому эпосу, к циклизации мистификации. Гоголя и Ирвинга отличает близость эстетических воззрений, которая сказалась в художественных принципах и в особенностях воссоздания «художественного мира». Образы рассказчиков Ирвинга и Гоголя довольно схожи. Это порою комические персонажи, наделенные смешными и нелепыми чертами.

Иногда образ рассказчика двойится и множится, и в нем появляются качественно новые черты. Из шутника и балагура он превращается в поэта, тонкого лирика и исследователя. Рассказчики на страницах прозы Гоголя и Ирвинга живут независимой от автора жизнью и потому воспринимаются читателями как реальные лица.

Мистификация, игра с читателем, имеющая давнюю традицию, стали излюбленными приемами Гоголя и Ирвинга, и проявились в творчестве обоих романистов особенно ярко [10].

Появляются работы, выясняющие место Ирвинга в становлении русско-американских связей. Исследователей в России интересует имя и творчество писателя в оценке русской журнальной критики и специфика его переводов.

Отдельно изучается проблема соотношения Ирвинга и готической традиции в русской литературе I трети XIX века.

Художественный мир Ирвинга рассматривается с точки зрения его взаимодействия с русской национальной концептосферой в пределах литературного процесса в 230-30-х годах XIX века и возможностей его перевода в категориях, понятных носителям русской концептосферы.

На материале прозы Д.Ирвинга, и в частности, его романа «Правила Дома Сидра» исследуется также проблема американского сленга в художественном тексте и возможности его передачи на русский язык.

В частности, Т.В. Толстинуна дает классификацию просторечий, используемых персонажами Ирвинга, прослеживает эволюцию жаргона к сленгу, приводит разновидности этого сленга и выявляет причины его возникновения и трудности восприятия русскоговорящим читателем [7].

Личность и творчество В. Жуковского представлено в англоязычном литературоведении во многих аспектах, включающих в себя исследование личности писателя в англоязычных исследованиях, начиная с 1820 года по наше время. Изучение прижизненных переводов и критических публикаций о Жуковском в период с 1820 по 1860-е годы, а кроме этого на Западе существуют монографические исследования, посвященные проблематике и жанровой структуре его произведений. Предметом научного интереса остаются произведения Жуковского в составе англоязычных антологий русской литературы и лирика поэта в английских переводах.

Представление о творчестве Жуковского в англоязычном культурном пространстве XIX-XXI века складывается из множества разнообразных исторических интерпретаций, состоящих из литературоведческих и критических работ и его англоязычных переводах.

История англоязычного Жуковского показывает, что к настоящему моменту, благодаря многим его переводам и литературно-критическим работам, «его поэтическое наследие сделалось частью британской и американской культуры» [1].

В истории восприятия творчества Жуковского были довольно разные периоды, и оценка его творчества не оставалась неизменной, но сам факт почти двухсотлетней истории восприятия творчества Жуковского в англоязычных странах является неопровержимым доказательством жизнеспособности его поэзии и плодотворности ее исследования.

Становление и развитие англоязычных литературоведческих работ о Жуковском укладывается в несколько этапов, включающие «информативно-документальный, критико-литературный на грани художественного, сравнительно-типологического и научно-исследовательского». В англоязычном варианте художественный мир поэта неизбежно подвергается переосмыслению на самых разных уровнях в соответствии с особенностями национальной концептосферы.

Если переводы XIX века в духе романтического времени не ставили задачи комплексного сохранения оригинала и несли в себе очевидный отпечаток самостоятельной инициативы, которая по-разному проявлялась, например, в переводах Бауринга и Сондерса, то переводы начала XX века обнаруживают гораздо более бережное отношение к оригиналу.

Работы Ч. Коксвелла и С. Баура демонстрируют не только контекстуальную и стилистическую

близость к подлиннику, но и любовное, обостренное внимание к его поэтической форме.

После попытки составления хронологических, следующих друг за другом переводов с преобладающими тенденциями в литературе моно признать историю этих трансляций «однолинейной тем прогрессирующим процессам, при которых каждый последующий перевод оказывался лучше предыдущего» [1].

Однако каждый последующий перевод оказывался и более современным его прочтением, зачастую более глубоким и соотносимым актуальным запросам исторического периода его создания. И множественность и многообразие англоязычных интерпретаций жизни и творчества Жуковского подтверждает значимость его наследия для мировой литературы и определяет своеобразие английского взгляда на лирику Жуковского как потенциально трансформирующийся жанр.

Англоязычная пушкинистика особенно плодотворно развивается на западе в 60-90-е годы двадцатого столетия, и в ней можно довольно четко выделить тематического и методологического направления научных исследований.

Тематическое направление включает в себя философско-художественную проблематику пушкинских текстов, определение роли поэта в мировой культуре, изучение пушкинского эпистолярия, проблемы и особенности трансляции пушкинских текстов, а также работу с дневниками и рукописями великого поэта.

Методологическое направление подразделяется на психодинамическое, сосредоточенное на изучении феминистических и гендерных тенденций в пушкинских текстах, и направление семиотическое. Семиотический подход англоязычной пушкинистики рассматривает знаки (образы-символы) в пушкинских текстах, нашедшие отражение и выражение в различных сферах социальной жизни и образующие общий семиотический фон пушкинских текстов. Исследователи Запада выделяют отдельные символы (цвет, цифры, одежда, внешность) лингвистические единицы (молчание и речь), а также имеет место раскрытие знаковых особенностей пушкинской прозы с точки зрения текстологии. Кроме этого, сама фигура Пушкина рассматривается как значимая знаковая составляющая в русской и мировой литературе.

В методологических исследованиях англоамериканской пушкинистики II половины XX века кроме традиционных методов анализа пушкинских текстов активно применяются и инновационные, такие, как например, метод герменевтического круга, медленное чтение с элементами деконструкции, а также различные методы исследования художественного текста, предлагаемые сторонниками психоанализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белоконова Е.С. Личность и творчество Жуковского в рецепции англоязычной культуры. – Дисс. канд. фил. наук. – Томск, 2009.
2. Голова К.В. Рецепция творчества Гофмана в русской литературе I трети XIX века. – Дисс. канд. фил. наук. – Магнитогорск, 2006.
3. Новикова Т.В. Романтическая традиция Э.Т.А. Гофмана в творчестве М. Булгакова. – Дисс. канд. фил. наук. – Нижний Новгород, 1999.
4. Субботина Г.А. Блок и Э.Т.А. Гофман: традиция романтизма в символической эстетике. – Дисс. канд. фил. наук. – СПб, 2005.
5. Таратухина Ю.В. Основные проблемы и особенности современной англоязычной пушкинистики: семиотическое направление. – Дисс. канд. фил. наук. – Ульяновск, 2002.
6. Толстинина Г.В. Американский сленг в художественном тексте и проблема его передачи на русский язык: на материале романа Д. Ирвинга «Правила Дома Сидра». – Дисс. канд. фил. наук. – М., 2007.
7. Тюрин С.В. Место Д. Ирвинга в России 20-30-х годов XIX века. – Дисс. канд. фил. наук. – Нижний Новгород, 2007.
8. Черняховский Д.Н. Биография А.С. Пушкина в литературоведении 1920-1930 годов в СССР и русском Зарубежье: генезис, эволюция и методология. – Дисс. канд. фил. наук. – М., 2005.
9. Федулова. Гоголь и Ирвинг. – Дисс. канд. фил. наук. – Тверь, 2005.
10. Briggs A. Alexander Pushkin: A critical Study, 1992, 423 p.
11. Urbanic A. Pushkin Studies on the West // Pushkin Review, 1998, №1, p. 234-235.
12. Wood A. Pushkin's Rusalka Restored // British East-West Journal, 1999, № 11, p. 11-13.